

Императрица Сун сегодня утром действительно говорила ему, чтобы он шёл ночевать в другое место. Император тогда тоже кивнул и сказал, что отправится во Дворец Накопления Красоты к благородной госпоже У. Только после этого императрица успокоилась и легла пораньше спать.

Кто же знал, что ночью император снова повернёт назад.

Однако на этот раз император Лунчжэн не спешил тащить человека в постель. Он задал вопрос:

— Императрица, помнится, среди твоих наложниц-кандидаток есть одна из клана Цзя из Жунго. Она вошла во дворец в первый год правления Лунчжэн, верно?

Императрица Сун на мгновение замерла.

Находясь у неё, император никогда не упоминал других женщин. Даже когда она носила под сердцем ребёнка, император, приходя, просто обнимал её, и они спали — и ничего больше.

Это был первый раз, когда с его губ слетело чужое имя.

Но она быстро взяла себя в руки и с улыбкой ответила:

— Всё верно, Ваше Величество. Её зовут Цзя Юаньчунь, она старшая законная дочь Цзя Чжэна из особняка Жунго, а сейчас служит женщиной-летописцем во Дворце Фениксового Узора.

— Служанка Цзя Юаньчунь приветствует Ваше Величество.

Император Лунчжэн окинул взглядом стоявшую перед ним женщину.

Чуть за двадцать, не сказать чтобы потрясала воображение своей красотой, но черты лица приятные, и чем дольше смотришь, тем милее она кажется. Оценка, которую он мысленно ей поставил, оказалась довольно высокой.

Цзя Юаньчунь с самого дня вступления во дворец была приписана ко Дворцу Фениксового Узора.

В глазах окружающих возможность попасть к императрице была завидному делу подобна. В конце концов, то, что император благоволит исключительно к Среднему дворцу, знала вся столица. Оказавшись во Дворце Фениксового Узора, видишься с императором гораздо чаще, чем где-либо ещё.

Однако Цзя Юаньчунь прекрасно понимала: если император и приходит во Дворец Фениксового Узора, то ради императрицы. Стоять рядом с такой женщиной, как императрица, и пытаться выбиться ввысь — задача труднейшая из труднейших.

Поэтому, услышав, что Сын Неба лично назвал её имя, она почти не поверила собственным ушам.

В Зале Жунцин слова Цзя Му ещё не затихли, как у госпожи Ван отнялись ноги.

— Мне уже почти пятьдесят лет, — понизив голос, произнесла госпожа Ван. — Понятия не имею, чем я так сильно вас прогневила. Ради супруга и Баюя, скажите же наконец прямо.

В душе госпожа Ван прекрасно понимала, почему гневается Цзя Му, но своей вины признавать не собиралась. Десятилетиями барахтаясь во внутренних покоях усадьбы, в вопросах контроля над тылом она не боялась никого. Стоило же ей высунуть нос за ворота особняка, как соображать она начисто переставала.

Хотя Ван Цзитэн прямым текстом выступал против её затеи, она всё равно не оставляла надежды. С точки зрения госпожи Ван, это был шанс, дарованный самим небом: титул Жунго-гуна при любых обстоятельствах должен достаться Баоюю.

— Ты сама-то соображаешь, что творишь? — сквозь зубы процедила Цзя Му. — Тогда спрошу тебя: то, что ты удумала, с дядей Баоюя обсуждала? Что он сказал?

Взгляд Цзя Му был прикован к госпоже Ван. Ей необходимо было выяснить, была ли эта самостоятельность плодом лишь безумия самой госпожи Ван, или же за её спиной стоял Ван Цзитэн. Если первое — ещё оставалось пространство для манёвра; если же второе — Цзя Му уже начала раздумывать над тем, где бы подыскать Баоюй хорошую мачеху.

— Ван-ши, — голос Цзя Му упал до грозного шепота. — Слушай меня внимательно: это дело куда серьёзнее, чем ты себе представляешь. Советую говорить правду без утайки. Иначе не взыщи — я, старуха, забуду о многодесятилетней дружбе между кланами Цзя и Ван.

У госпожи Ван по спине пробежал холодок. Она отчетливо расслышала вес в словах Цзя Му, и именно поэтому происходящее казалось ей невероятным: ради какого-то Цзя Чжипо Цзя Му собиралась пойти против неё? На каком основании?

Но крохи здравого смысла всё же теплились в ней. Если Цзя Му действительно решилась на жесткие меры, остановить её она не сможет.

— Я обсуждала это со старшим братом, — сухо выдавила госпожа Ван. — Брат не дал согласия, сказав, что путь этот кривой, в худшем случае — ничего не получишь, да ещё и в убытке останешься. Староста, я не понимаю, что произошло-то? Разве я не ради Баоюя стараюсь?

Цзя Му тихонько выдохнула с облегчением. Лишь бы это не было замыслом Ван Цзитэна. В молодости Жунго-гун немало обучал её придворным хитростям, чтобы она могла надежно охранять особняк государственного сподвижника. Но по сравнению с таким прожженным хитром лисом, как Ван Цзитэн, который десятилетиями крутился в чиновничьих кругах, её скромных талантов было явно недостаточно.

Мелкие тайные мыслишки госпожи Ван Цзя Му видела насквозь.

Если бы она сама чего-то не понимала, неужели Ван Цзитэн оставался бы в неведении? Раз уж всё понимал, но всё равно шёл на такую глупость, значит, за этим скрывался какой-то иной расчет.

К счастью, до худшего дело пока не дошло.

Цзя Му бросила косой взгляд на стоявшую на коленях госпожу Ван и холодно фыркнула:

— Хм, ладно, судя по всему, пока всё до конца не объяснишь — не успокоишься.

Ты думаешь, титулом клана Цзя можно разбрасываться как вздумается? Ошибаешься. По законам Великого Чжэна наследование военных титулов требует утверждения в Цзунжэньфу и личной печати Сына Неба. Старшего господина больше нет, но наследник жив. И вдруг на

фоне таких обстоятельств поднимается подобный шум — неужели Чжуншунь-цинъван упустит такую возможность?

В те времена, когда покойный гун был жив, он не раз ломал планы Чжуншунь-цинъвана. Стоит тому ухватиться за шанс, разве станет он упускать повод припомнить старые обиды? К тому же, с начала правления Цзиннин разве мало знатных родов было сокрушено императорским домом? Ты что, считаешь, что титул особняка Жунго передаётся слишком долго, и непременно хочешь подсунуть им козырь в руки?

Слушая эту летящую в лицо гневную отповедь Цзя Му, госпожа Ван чувствовала, как у неё холодеет спина.

Если из-за её безрассудства особняк Жунго действительно лишится титула из-за каких-то глупостей, умереть потом будет непросто — придётся ещё и Баоюя за собой утащить.

Краска полностью сошла с её лица.

Заметив, как переменялась в лице госпожа Ван, Цзя Му продолжила:

— Небо только и ждет повода придрататься к аристократии, а ты сама бежишь и подсовываешь нож. К тому же, даже если тебе вздумалось сместить Лянь-эра, нельзя же было выливать помой на покойную старшую госпожу! Что подумает клан Чэнь? Если старейшина Чэнь решит отомстить, ты выдержишь удар? Или ваш клан Ван выдержит?

Если такое разойдется по миру, куда особняку Жунго лицо прятать?

Только теперь госпожа Ван пришла в себя.

В тот момент она была целиком поглощена желанием очернить Цзя Чжипо, да к тому же думала, что все старшие члены ветви старшего брата уже мертвы. Но она совершенно забыла, что у Цзя Чжипо есть родня по материнской линии, а Чэнь Мэнлэй — министр Великого секретариата, человек, с которым шутки плохи. Если последует месть...

Госпожа Ван наконец-то пробудилась от того безумного наваждения и затряслась всем телом от охватившего её суеверного ужаса.

— Старая предводительница, невестка была помрачена рассудком! Умоляю, помогите мне, невестке не жалко умереть, но как же быть с Баоюем?

Цзя Му изначально намерена была бросить фразу: Твоя смерть — не моё дело, но, услышав последние слова, подавила её на самом выдохе.

Не будь ты матерью Баоюя, эта старуха позволила бы тебе сдохнуть раз восемьсот.

— Всё. Остается лишь надеяться, что твои глупые речи не успели распространиться слишком далеко, и господин Чэнь ещё ничего не знает. Иначе даже я тебя не спасу.

К тому же, ты слишком недооцениваешь Лянь-эра. Чтобы повернуть это дело чисто, нужно посмотреть, какова будет позиция Лянь-эра.

На востоке Императорского города, у Ворот Тайхэ.

Маленькие зелёные паланкины выехали из дворца.

Юаньчунь сидела в паланкине, сжимая в руке свиток с императорским указом на ярко-желтом шелке, а её сердце всё еще не могло успокоиться.

Она поистине не ожидала, что их домашняя грязная возня потревожит самого Сына Неба. Похоже, этот её двоюродный брат пришелся императору по нраву. Сам император лично вмешался, чтобы помочь ему удержать положение.

Остается надеяться, что дома хватит ума. Иначе проблем не оберешься, — тихонько пробормотала про себя Юаньчунь.

Паланкин остановился у главных ворот особняка Жунго.

Женщина в изысканных дворцовых одеждах вышла из паланкина и, подняв глаза на ворота перед собой, испытала смешанные чувства.

В Зале Жунцин Цзя Му только что закончила отчитывать госпожу Ван, и Юаньян помогла ей прилечь.

Годы брали своё, сил с каждым днём оставалось всё меньше, стоило голове коснуться подушки — и сразу клонило в сон.

Однако снаружи у вторых ворот неожиданно поднялась возня, и Юаньян ничего не оставалось, как снова растолкать только что смежившую веки старуху.

— Ах ты девчонка, чего среди ночи баламутишь? — Цзя Му открыла глаза и недовольно зыркнула на неё.

Проведя столько лет бок о бок, она прекрасно знала характер Юаньян. Без серьезной причины та не стала бы тревожить её в такое время.

И действительно, всего одна фраза Юаньян заставила Цзя Му буквально подскочить на постели:

— Староста, снаружи передают весть: второй господин Лянь столкнулся у ворот особняка с императорским посланником, несущим указ. Велят готовиться к встрече указа.

В голове у Цзя Му гулко зашумело.

В прошлый раз указ принимали, когда император Шэнцзу утвердил предсмертный мемориал Жунго-гуна и пожаловал Цзя Чжэну чин помощника министра в Министерстве общественных работ.

Прошло больше двадцати лет, и клан Цзя уж почти позабыл, как выглядит императорский указ.

У ворот особняка.

Юаньчунь неотрывно смотрела на парадные ворота особняка Жунго, как вдруг позади послышался мягкий голос:

— Старшая сестрица, это ты?

Она обернулась, и её взгляд встретился с красивым лицом.

Они не виделись почти пять лет, но она с первого взгляда узнала Цзя Чжипо.

И не только потому, что они были ровесниками и вместе росли с детских лет. Куда важнее было то, что лицо Цзя Чжипо донельзя напоминало госпожу Чэнь из её воспоминаний.

— Братец Лянь, давненько не виделись. Так поздно, только что вернулся?

Юаньчунь улыбнулась, подошла ближе и кивнула ему.

—хлопотал по поводу похорон старшего господина, сегодня выдалось свободное время, заглянул в лавку.

Юаньчунь кивнула, прекрасно понимая, что он наверняка говорит о том самом заведении с горячим горшком, гремевшем на весь Шэньцзин — Дунлайшунь.

Даже император Лунчжэн, обычно равнодушный к изыскам еды, не выдержал и тайком выволок императрицу из дворца отведать этого угощения. Не прегради ему путь императрица, он бы едва не приволок повара во дворец силой.

— Старшая сестрица возвращается домой среди ночи, у Его Величества какое-то дело?

Цзя Чжипо на мгновение замолк, его взгляд скользнул по ярко-желтому свитку в руках Юаньчунь, и глаза чуть сузились. — Почему неходишь?

Указ?

Заметив, куда устремлено его внимание, Юаньчунь подняла свиток и улыбнулась:

— Ты угадал. Императорский указ. Для тебя.

Стоило Цзя Чжипо услышать это, как выражение его лица мгновенно переменилось.

Он поспешно велел отворить ворота:

— Старшая сестрица прибыла в особняк с указом, открывайте центральные ворота! Передайте внутрь, пусть староста и остальные готовятся встречать указ.

Юаньчунь не стала его останавливать и просто молча наблюдала за ним.

Прибудь она одна, ей бы, конечно, не позволили поднимать Цзя Му и остальных ради встречи. Но сейчас она выступала в роли императорского посланника, доставляющего указ, а это совсем другое дело.

Юаньчунь ясно понимала: то, что император Лунчжэн отправил из дворца ночью именно её, женщину-чиновника, было сделано намеренно, чтобы сберечь лицо клану Цзя.

Направляя сюда именно её, он, судя по всему, опасался, что старуха и хозяйка дома не смогут разглядеть этот подтекст.

Цзя Му только-только поднялась с постели, Юаньчунь помогала ей облачаться в парадные одеяния, а в довершение всего бросила:

— Лицо, доставляющее указ — старшая барышня Юаньчунь.

Услышав это, Цзя Му взмахнула рукой и свирепо зыркнула на Юаньян, после чего бросилась в Зал Жунцин.

В Зале Жунцин Цзя Чжэн и госпожа Ван уже были на месте. Однако нынешний статус Юаньчунь заставлял их обоих чувствовать себя несколько скованно.

Конечно, до сцены с будущим визитом благородной супруги-императорской наложницы в родительский дом было ещё далеко, но сам титул женщины-летописца Дворца Фениксового Узора в сочетании с миссией посланника заставлял Цзя Чжэна чувствовать себя неуютно в каждой клеточке тела.

Цзя Чжипо же ничуть не тушевался.

Среди сверстников клана Цзя он, Цзя Чжу и Юаньчунь были примерно одного возраста и в детстве часто играли вместе. Позже Юаньчунь забрали во дворец, а Цзя Чжу умер от болезни, и у него совсем не осталось компаньонов для игр.

К тому же, Цзя Чжипо в глубине души ни в грош не ставил императора — в его прежней эпохе вообще не существовало подобных понятий, и к императорской власти у него отсутствовал природный пиетет. В его глазах Юаньчунь была просто старшей сестрой, вернувшейся после долгого отсутствия.

Разумеется, стоило лишь развернуть императорский указ, как всё менялось.

— Старшая девчонка!

Цзя Му была уже в годах, ноги её не слушались. К моменту её прибытия Юаньчунь уже успела обменяться любезностями с большей частью домочадцев.

Староста вынянчила Юаньчунь с пеленок, и вот спустя пять лет они встретились вновь — слезы хлынули из глаз, едва увидев друг друга.

Они обнялись и горько заплакали. Госпожа Ван стояла неподалеку, и лицо её на мгновение омрачилось.

Юаньчунь — её собственная кровная дочь, но при встрече с ней та не выказала и доли подобного волнения.

Цзя Чжипо молча наблюдал за этой сценой со стороны.

<http://bllate.org/book/19342/1891426>